

УДК 81'42(045)

Е. Г. Задворная
(МГЛУ, Минск)

СТРАТЕГИЯ СОЛИДАРИЗАЦИИ/ДИСТАНЦИРОВАНИЯ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

Цель работы – выявление специфики реализации в научном полемическом диалоге оппозиции «солидаризация – дистанцирование» в ее соотношении с оппозицией «согласие – несогласие». В статье определены различия между названными оппозициям и показано, что

они могут вступать как в симметричные, так и в асимметричные отношения, создавая при этом сложный семантико-прагматический рисунок научного диалога.

Принципиально важным фактором успешности и эффективности научного диалога является эксплицитная фиксация его участниками собственных позиций, а также и четкая фиксация их отношения к позициям оппонентов. Вариативное соотношение этих позиций обуславливает сложность тактико-стратегической организации научного полемического диалога, в котором выражение согласия/несогласия может неоднозначным образом сочетаться с установкой на солидаризацию с коммуникативным партнером либо на дистанцирование от него.

На первый взгляд введение оппозиции «дистанцирование/солидаризация» может показаться чрезмерным усложнением ситуации: во-первых, научные дискурсивные практики давно и успешно анализируются в рамках таких (безусловно, соотносимых с понятиями дистанцирования и солидаризации) феноменов, как толерантность/интолерантность, категоричность/некатегоричность, оценочность, тональность и т. д. (см. работы российских ученых, особенно представителей пермской школы исследования научного текста и дискурса), а во-вторых, анализируемая оппозиция явно пересекается с оппозицией «согласие/несогласие». Но, на наш взгляд, обращение к феноменам дистанцирования и солидаризации может оказаться весьма полезным и не столько усложняющим, сколько обогащающим анализ речевого поведения субъекта научной дискурса.

Так, данная оппозиция отличается от феноменов толерантности/интолерантности, категоричности/некатегоричности в том отношении, что она, имея стратегическую природу, характеризует в первую очередь определенный тип речевых действий, в то время как понятия толерантности/интолерантности, категоричности/некатегоричности фиксируют категориальные качества научной речи как ее общие, фундаментальные установки.

Более сложной является дифференциация оппозиции «дистанцирование/солидарность» с оппозицией «согласие/несогласие»: ведь в научном дискурсе речь идет не о межличностных отношениях собеседников, а об их научных позициях, в силу чего солидаризация с собеседником в первую очередь ассоциируется с выражением согласия, а дистанцирование от собеседника – с выражением несогласия. Но, с нашей точки зрения, при всей близости этих дихотомий говорить об их синонимичности применительно к

научному диалогу не всегда корректно. Прагматическая специфика научного диалога (имеющего, как правило, выраженный полемический характер) существенно модифицирует нормы речевого поведения, принятого для традиционного монологического научного текста, – действительно, весьма сдержанного в смысле проявлений личностного начала, – и, в частности, допускает «переход на личности», ср. показательный фрагмент:

Б. Долгин: *Маленький вопрос. Вы можете как-то прокомментировать концепцию Светланы Бурлак, которая прозвучала у нас на лекции?*

Т. Черниговская: *Мне очень нравится она сама, но не ее концепция* (стенограмма лекции Т. Черниговской «Язык и сознание: что делает нас людьми?», <http://www.polit.ru/article/2008/12/24/langmind/>).

Именно возможность такого «зазора» между отношением к личности ученого, его научным установкам, его искренности/убежденности/профессионализму и т. д., с одной стороны, и к конкретному высказанному положению/суждению/мнению, с другой, является фактором порождения в поле научного диалога участков особого полемического напряжения.

Иным словами, прагматика научной дискуссии создает предпосылки для весьма сложных и вариативных отношений между оппозициями «солидаризация/дистанцирование» и «согласие/несогласие», в рамках которых несогласие далеко не всегда коррелирует с дистанцированием, а согласие – с солидаризацией. Именно этот момент представляется нам наиболее существенным, позволяя фиксировать два принципиально различных типа отношений между оппозициями «солидаризация/дистанцирование» и «согласие/несогласие», а именно отношения симметрии и асимметрии.

Симметричные отношения между данными оппозициями наблюдаются в контекстах, когда участник научной дискуссии дистанцируется от оппонента, одновременно критикуя высказываемые им положения:

К. К.: *Вот здесь у меня сразу же возник вопрос: не является ли это наблюдение просто естественным следствием того факта, что Вселенная усложняется поступательно? Ну, она началась от этого взрыва, когда Вселенная представляла собой единое общее пространство, и дальше оно стало усложняться <...> Я понятно задал вопрос?*

С. Ч.: *Знаете, мне не близка ваша картина мира <...>. Дело в том, что вся эта концепция взрыва исходит из того, что у нас*

сохраняются не смысловые, а количественные варианты. Мне это не близко. Мне это кажется просто сильным допущением, которое существенно упрощает описание мира, и не более того (стенограмма лекции С. Чебанова «Рефренность мира», <http://www.polit.ru/article/2009/11/26/chebanov/>).

В данном фрагменте научной дискуссии отвечающий не только оспаривает конкретное суждение оппонента, но и выражает неприятие его «картины мира», т. е. укрупняет масштаб несогласия, обогащая его очевидными обертонами дистанцирования.

Вариант иного с точки зрения аксиологического знака, но также симметричного отношения обсуждаемых оппозиций представлен в следующем высказывании:

Гофман: Мне исследования той организации, которая сегодня называется «Аналитический центр Юрия Левады», всегда нравились. Помимо того, что там работают люди, которые мне чрезвычайно близки во всех отношениях, эти исследования не страдали таким алармизмом и истеричностью, которыми были заражены некоторые другие исследования (Стенограмма лекции Ю. Левады «Человек советский», <http://www.polit.ru/article/2004/04/15/levada/>).

Важно подчеркнуть, и в первом, и втором случае участники научного диалога, реализуя идею дистанцирования/солидаризации, используют симптоматичные лексемы *близка/близко/близки*, и очевидно выходят (хотя и по-разному) за пределы выражения согласия/несогласия с конкретным/частным утверждением.

Возможны и иные варианты, когда согласие/несогласие и солидаризация/дистанцирование осуществляются на разных уровнях диалога (первый на содержательном, второй на прагматическом), ср.:

Вопрос из зала: Сергей Сергеевич, во-первых, мне хотелось бы поблагодарить вас за замечательную лекцию, а во-вторых, я хотела бы сказать, что этими словами вы, по-моему, раскрыли смысл жертвы отца Александра Меня. Это как раз тот человек, который на деле мог соединять духовную традицию с культурной традицией. В его трудах и особенно в последней книге «Прости нас грешных» — я лично не знала его, но из этой книги идет такая энергетика, такое личностное, углубленное понимание и обращение именно к инобытию, к Богу через дисциплину, через исповедание. Мне кажется, что здесь надежда. Как вы считаете?

Хоружий: В отличие от вас, я отца Александра знал достаточно близко: он был моим духовным отцом, он был священником, который крестил меня. И поэтому я имею право сказать то, что я скажу дальше: отец Александр не принадлежит к

этой духовной традиции. Как философ и богослов я обязан различать. Я не могу не почитать отца Александра, который для меня значит больше, чем для тех, кто просто не знал его, но исихазм не исчерпывает собой все глубокое, все духовное и все душепитательное в православии. Отец Александр не занимался исихастской традицией, и писания его этой традиции не раскрывают. Они делают многое другое: это прежде всего пасторский труд, пасторское служение — но непосредственно к тематике духовной практики православия его сочинения не относятся (Стенограмма лекции С. Хоружего «Духовная и культурная традиции России в их конфликтном взаимодействии», <http://www.polit.ru/article/2004/09/28/horuzhiy/>).

С одной стороны (на содержательно уровне), С. Хоружий не соглашается с тезисом, который содержится в адресованном ему вопросе, а с другой (на прагматическом уровне) — реализует стратегию дистанцирования, эксплицитно акцентируя различие между собой и собеседницей (*в отличие от вас*) и подчеркивая свое особое право судить об обсуждаемом предмете и весомость, обоснованность весьма категорично высказываемого мнения; таким образом, в данном контексте реализованы и стратегия несогласия, и стратегия дистанцирования, причем их реализация носит дифференцированный характер (в том смысле, что они связаны с разными фрагментами реплик коммуниканта).

В научном диалоге представлены и иные варианты соотношения анализируемых оппозиций: так, один из участников научной полемики может фиксировать свою принадлежность к общей с оппонентом научной школе, в целом разделять его убеждения, но в то же время не соглашаться с какими-либо его утверждениями; либо, напротив, акцентировать иные профессиональные или исследовательские интересы, отнесенность к иной научной парадигме (тем самым подчеркивая свою «инаковость», т. е. дистанцируясь от собеседника), но при этом вполне разделять его взгляды по определенному вопросу. Подобные отношения целесообразно интерпретировать как асимметричные, ср. характерный пример:

В. Каганский: *<...> я хочу прокомментировать ситуацию в целом, если это будет позволено, тем более, что я бы согласился на 100% с последним утверждением, что стабильности нет. Стабильность нарисована. <...> Первое, что я вижу — то, что лекция о состоянии культуры стилистически точно воспроизводит это состояние, точно. Если мы видим, что в современной культуре все по отдельности, и нет никаких антиномий, то и в лекции то же*

самое: противоположности через один риторический период рано или поздно уравниваются. Если мы видим, что в культуре больше нет аргументации, а есть только какая-то приватная риторика, то, надеюсь, докладчик не обидится, я вижу в лекции риторику вполне определенной группы, причем группы не культурной, а чисто социальной и т. д. Возможно, то, что я говорю, связано с двумя простыми обстоятельствами, которые разделяют все члены моего сообщества – никто из нас не смотрит телевизор, нам неинтересно это. Второе. Мы не просматриваем книги в книжных магазинах, мы читаем серьезную, обычно профессиональную литературу (Стенограмма лекции Б. Дубина «Культуры современной России», <http://www.polit.ru/article/2008/01/31/culture/>).

В данном контексте участник научного диалога выражает полное согласие с одним из утверждений докладчика, но при этом подчеркивает ограниченность его концепции, видя причину такой ограниченности в принадлежности оппонента к определенной социальной группе. Интересно, что этот момент представляется участникам дискуссии настолько существенным, что становится далее предметом отдельного уточнения, инициированного модератором дискуссии:

Б. Долгин. *Это «мы» включает и вас, и Бориса Владимировича?*

В. Каганский: *Нет, я бы сказал, что это контактные сообщества, но абсолютно разные.*

Асимметричные отношения, в свою очередь, весьма вариативны и могут способствовать выстраиванию нетривиальных конфигураций членов анализируемых оппозиций, ср. фрагмент диалога во время дискуссионного обсуждения уже цитировавшейся выше лекции петербургского философа С. Чебанова:

Л. Московкин: *Во-первых, спасибо за очень интересную лекцию. Можно только приветствовать этот мост между разными цивилизациями – питерской и московской. Вопрос у меня такой: вы не упомянули гомологические ряды Вавилова – это сознательно (наверняка вы о них знаете)? И правильно ли я понимаю, что, исходя из схемы, вами построенной, можно вывести вообще общую схему мира и, например, предсказать будущее человечества? Сейчас это очень актуально, многие делают. У вас в Питере, у нас в Москве вышло по сборнику, Латынина написала книжку «Нелюдь». Может быть, мы ищем под фонарем, а вот с помощью вашего метода можно построить более правдоподобную картину?*

Приведенная реплика имеет неоднозначно интерпретируемый семантико-прагматический характер: с одной стороны, говорящий настойчиво и недвусмысленно подчеркивает оппозицию «у нас в Москве – у вас в Питере», определяет научные ситуации в двух столицах как *разные цивилизации* (т. е. реализует стратегию дистанцирования) и к тому же противопоставляет (возможно, с ироническим подтекстом) ограниченность «наших» поисков и потенциальную эффективность метода собеседника; с другой стороны, интерпретирует коммуникативную ситуацию как мост между Москвой и Питером (т. е. акцентирует и приветствует сближение между ними) и при этом вполне благожелательно оценивает сделанный доклад и задает вопрос, который носит не столько полемический, сколько уточняющий и развивающий обсуждаемую проблему характер.

Таким образом, стратегия солидаризации/дистанцирования может использоваться субъектами научного дискурса как выразительный и эффективный способ выражения авторской позиции, а ее сложные взаимоотношения с такими коммуникативными феноменами, как согласие и несогласие, позволяют порождать тонкие, гибкие, порой точно нюансированные, а порой размытые и неопределенные прагматические смыслы и – в конечном итоге – неповторимый семантико-прагматический рисунок научного полемического диалога.